

Письмо без адреса

Ольга Белоус

Ольга Белоус
Письмо без адреса

«Издательские решения»

Белоус О.

Письмо без адреса / О. Белоус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961930-3

Каждый рассказ — чужая жизнь, странно пересекающаяся с твоей собственной... Настроение. Иногда хочется плакать, иногда — смеяться. Чаще всего — верить и надеяться. Уметь прощать и забывать. Любить — сейчас и навсегда. Найти, выбрать, услышать, резонировать.

ISBN 978-5-44-961930-3

© Белоус О.
© Издательские решения

Содержание

Нескучная автобиография	6
Письмо без адреса	9
Папа, помнишь, как мы вместе с тобой?...	10
Ты всегда был рядом	11
Где ты?	12
Из жизни твоей...	13
Мама, спасибо тебе...	14
Как же это произошло?	15
Когда ничего нельзя изменить...	16
Предновогодняя сказка	17
Билеты в цирк	19
Кожух	21
Сирень с тюльпанами	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Письмо без адреса

Ольга Белоус

© Ольга Белоус, 2019

ISBN 978-5-4496-1930-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нескучная автобиография

У каждого человека в автобиографии присутствуют два слова: родился, учился. Даты и прочие нюансы волнуют исключительно отдел кадров или, как теперь модно говорить – HR, иногда этими подробностями могут заинтересоваться службы безопасности (не к ночи будь сказано). Поэтому, назвать свой рассказ автобиографией означает практически обречь его на нечитаемость. Хотя с другой стороны, а что делать? Поэтому, дабы не усыпить читателя, сразу перейдем к фактам, которые с одной стороны, могут дать представление об авторе и, с другой стороны, помогут скоротать время, оставшееся до следующего приема пищи.

Итак. Я была золотым ребенком. В школе и садике, маленькая хрупкая девочка, я была исключительно мальчиков, за что мою маму неоднократно в эту самую школу и вызывали. С директором школы, Борисом Моисеевичем, у нас была страстная любовь без взаимности. Он пытался доказать, что четверку по биологии и физкультуре мне поставили исключительно для того, чтобы я училась еще лучше. На это я ему возражала, что подобные воспитательные методы ко мне не подходят, а спорный вопрос потребовала вынести на обсуждение в комиссию городского отдела образования, где и намеревалась сдать экзамен по этой самой биологии. А заодно предложила ему опротестовать мой заслуженный разряд (юношеский, правда), по спортивной гимнастике. И чтоб вы таки знали, свою пятерку по биологии я получила. «Завалили» меня на выпускном экзамене по физике. Это сделала мой классный руководитель и почти что близкий друг, которой я искренне верила. Изменить что-либо уже не было никакой возможности и, таким образом, золотая медаль «накрылась медным тазом». Что отнюдь не стало препятствием на моем дальнейшем жизненном пути, скорее наоборот. Что же касается веры в человечество вообще и в друзей в частности, то это не то, чтобы поубавилось, но несколько видоизменилось, и цвет очков слегка поблек, от ярко-розового до более натурально-бежевого.

Воспитанию безграничной скромности, которая, как известно, является лучшим украшением, очень способствовали мои многочисленные фотографии на Доске почета и участие в олимпиадах различного масштаба, порой успешные. Учительница русского языка оценивала мои знания исключительно по двухбалльной системе: пять или два. Путь на филфак был отвергнут, как бесперспективный, и следующие золотые пять лет своей жизни я бездарно потратила на изучение всех видов анализов, а именно: функционального, дифференциального, математического и прочих комплекующих. Не могу сказать, что в моем лице мир приобрел великого математика или, хотя бы, программиста. Но, в конце-то концов, за те деньги, которые мне тогда платили, нужно быть жутко большим энтузиастом, чтоб этим заниматься.

Во времена незабвенной перестройки вопрос встал ребром: либо я, наконец-то, начинаю серьезно заниматься кандидатской (мой шеф писал докторскую и ему отчаянно нужны были аспиранты), либо...

Я выбрала «либо» и пустилась во все тяжкие на бизнес поприще. Старт пришелся на 90-й год. Мы пытались торговать самолетами и компьютерами. С самолетами пролетели, с компьютерами сложилось. За компьютерами летали на самолете из Украины в Эстонию. Острая необходимость оптимизировать транспортные операции привела к знакомству с генералом Джохаром Дудаевым, бывшим в ту пору командующим дивизии и начальником гарнизона в Тарту, а впоследствии – лидером чеченского сопротивления и первым президентом чеченской республики Ичкерия.

Почему, собственно, это знакомство состоялось? Дело в том, что мы забирали компьютеры из Тарту. Когда летели в Эстонию первый раз, то вместо Тарту приземлились в Таллинне, а это, на минуточку, 200км расстояние. Как выяснилось, наш грузовой самолет

АН-26 не был прописан в паспорте взлетно-посадочной полосы тартуского гражданского аэродрома. В общем, картинка была еще та. За фрахт самолета денежки оплачены, в Тарту за компы опять же, финансы сброшены. Надо забирать свое добро. В общем, нашли возле аэропорта какого-то водилу на грузовичке и поехали. Приехали, загрузились и назад, в Таллинн, к родному самолету. Осень. Время – 4 утра. Дорога – через лес. В чужой машине нас пять человек (я одна из них) и компьютеры на сумму, за которую можно купить парочку девятиэтажных домов с инфраструктурой и прилегающей территорией. Ни охраны, ни оружия – весело! Это я уже потом поняла, что Бог нас там на руках пронес. Так что нужно было решать вопрос с посадкой на тартуском военном аэродроме, где и командовал Джохар Мусаевич.

О первой посадке мы договорились по телефону. В разговоре с ним пришлось сказать, какими заболеваниями болела в детстве и назвать девичью фамилию прабабушки. В общем, класс! Коридор получен, ключ на старт, колеса в воздух. Настроение – супер. Командир расщедрился, говорит, садись, порули. А сам пошел спать. Кто ж откажется. Сижу за штурвалом, рядом второй пилот. Ощущаю себя с самолетом единым целым, хотя в то время еще даже машину не водила. Летим над Чернобылем. Второй пилот говорит:

– А вон там и четвертый реактор.

– Да ну, где? – наклоняюсь я.

Вы когда-нибудь в фильмах про войну видели-слышали, как сбитый самолет вниз идет?

– Эй, ребята, – это штурман, – высоту держать будем или идем на поражение цели?

– А? Да-да-да! – рву штурвал на себя. Самолет свечой взмывает в небо, командир падает с полки, на которой устроился подремать, а второй пилот, во избежание дальнейших стрессов, включает автопилот.

В общем, освободив командирское кресло, я отправилась в салон для гражданских и смиренно сидела там, читая предусмотрительно захваченную литературу. Вдруг, незадолго до посадки, в салон влетает штурман:

– Ольга Белоус, есть такая на борту?

– Ну да, а что?

– Блин, мы под прицелом. Быстро на связь с землей!!!!

В общем, пришлось мне объяснять по радиосвязи, что я – это я, повторять девичью фамилию прабабушки и прочие интимные подробности. Короче, посадку нам разрешили. Сразу же после приземления экипаж покинул самолет, спустился по трапу, где и был благополучно взят под стражу. Всем остальным приказали оставаться на своих местах, а мне – выйти из самолета и ждать дальнейших распоряжений. В общем, стою я на летном поле рядом с самолетом и как-то так мне неуютно! Подъезжает черная «Волга» и выходит оттуда генерал, с которым я должна провести переговоры и получить разрешение на многократные посадки нашего самолета на вверенном ему аэродроме. Он отнюдь не был тупым солдафоном, но после общения я объявила своим партнерам, что мне проще арендовать самолет любой марки, в любом летном отряде, на любой территории или даже организовать паспортизацию взлетно-посадочной полосы гражданского аэродрома, но больше не договариваться с генералом Дудаевым о посадке нашего самолета на военном аэродроме в Тарту. Хотя в тот раз наш экипаж накормили, и самолет заправили, а это было время страшного дефицита с горючим.

С законами было плохо. С юристами – ещё хуже. Благодаря одному такому «деятелю», мы попали на двести тысяч рублей штрафа, которые нам впаяла налоговая, обидевшись на директора предприятия, заявившего им, что не знает он никакой налоговой и нечего им у нас на фирме делать. В пятницу, 16 августа 1991 года мы выиграли арбитраж в Москве, договорились на встречу с К. Боровым (первым директором первой биржи в тогда еще Советском Союзе) на 19 августа и, скромно отметив победу, отправились спать. В субботу рано утром

меня разбудила интуиция. Она вопила до тех пор, пока мы не сели в машину и не уехали из Москвы. Партнер смотрел на меня, как на сумасшедшую, но, поскольку с большими не спорят, то, несмотря на полное отсутствие логических доводов с моей стороны, согласился уехать. Утром 19 августа в Москву ввели танки.

«Славные ребята» из самых дружеских побуждений предложили помощь для успешного развития бизнеса. «Помощь» закончилась тем, что пришлось прятать детей и маму и искать пути ухода от бандитов. Разрулили. Получили заманчивое предложение от «Лукойла» поиграть в нефтяной бизнес. Рассчитали варианты: 2% – два миллиона долларов, 98% – два метра земли. Теория вероятностей и логика победили. Отказались.

Развитие аппарата насилия шло значительно быстрее, нежели развитие нашего бизнеса. Налоговая инспекция, налоговая полиция, пожарные, эпидемстанция. Разрешительные, ограничительные, запретительные и прочие вымогательные органы делали все, что было в их силах, и даже больше. Мы боролись, как могли, но с реальными бандитами было проще.

Играть с государством в азартные игры – то же самое, что играть в рулетку – все равно проиграешь, если, конечно, ты не хозяин этой самой рулетки.

Участие в политических интригах дало четкое осознание реального бытия: либо ты, либо тебя... Кандидат в президенты, Гринев Владимир Борисович, доверенным лицом которого я была, являлся фигурой непроходной, хотя очень хотелось, чтобы он прошел. Много интересного удалось увидеть и услышать в агитационных поездках. Неизгладимый след оставило выступление Гринева на Донбассе. Собственно, не выступление кандидата, а место, где это происходило, и люди, которые там присутствовали. Это было на шахте, перед началом смены. После выступления кандидата, шахтеры поднялись и потянулись к подъемнику, отправляясь на свои рабочие места в забое. Этих лиц мне не забыть никогда. Создалось яркое ощущение ирреальности – мир, в котором обитала я, и мир, который увидела, явно были параллельными, то есть нигде, никогда и никоим образом непересекающимися мирами.

Проболтавшись около года в кулуарах Верховной Рады и получив бесценный опыт, который заключался в том, что от этого места нужно держаться как можно дальше, вернулась к подъему экономики государства путем развития собственных небольших предприятий. Теория X и Теория Y. Попытка построить демократический строй в отдельно взятой компании привела к вполне предсказуемому результату. Денег можно было заработать нормально, но желающих их с тобою разделить оказалось значительно больше, чем денег как таковых.

Ко многим вещам можно и нужно относиться с юмором. К некоторым – не получается. Впервые поднятый в 1993 году вопрос о вероятности покупки авиабилета в один конец в итоге стал реальностью. Вот и живем теперь в Окленде. И у меня появилось время излагать свои мысли на бумаге не только в качестве коммерческих договоров, но и в виде художественной (хочется так думать) прозы. Впрочем, Ангелы поэзии тоже периодически меня посещают...

Таким образом, все вышеизложенное, плюс персональные склонности, а также ответственность перед следующими поколениями привело к тому, что часть накопленной информации из базы данных жития стала перетекать из оперативной памяти на твердые носители. Для удобства пользователей, то есть, читателей.

Что дальше? А что-то будет. В общем, продолжение следует...

Письмо без адреса

Мои дорогие, мои любимые папа и мама!

Как давно я не разговаривала с вами, как давно не обращалась к вам... И я решила написать. Вы никогда-никогда не прочтете этих строк. Я опоздала... Опоздала безнадежно и бесповоротно. Вы никогда не узнаете, как я люблю вас, как благодарна за вашу любовь и самоотверженность. И, как проявляется фотография, так с каждым годом все ярче и отчетливее проявляется моя любовь и благодарность к вам.

Я хочу поговорить с вами, хочу рассказать о своей признательности и любви. Хочу сказать вам о том, о чем никогда не говорила. У нас не принято было изливать свои чувства вслух. Но я так хочу побыть снова с вами и, хотя бы мысленно, снова обратиться к вам...

Папа... Мы стоим в нашем саду у вишни. Ты в майке, с колючей щетиной что-то говоришь мне, а я спешу – мы с мужем должны ехать в командировку. Я торопливо целую тебя в щеку и сажусь в машину.

Это была наша с тобой последняя встреча на земле. Таким я тебя запомнила навсегда...

Папа, помнишь, как мы вместе с тобой?...

Папа, ты никогда не говорил мне, что любишь меня. Но я всегда знала, что была твоим любимым сыном и дочерью «в одном флаконе». Ты звал меня помочь тебе с ремонтом нашего старенького «Москвича» и я, 6-8-летняя пацанка с гордым видом подавала тебе нужные гаечные ключи или самозабвенно «прокачивала» тормоза. А однажды мы ехали с тобой вдвоем, и тормоза отказали. Мы были на спуске, и я даже не поняла ничего. Просто ты вдруг резко повернул руль, ударился колесом в бордюр раз, второй, третий... К счастью, там был отворот в переулок, и ты свернул туда. Я уж не помню, как мы вернулись домой. Вскоре после этого, мы отправились с тобой вдвоем в Киев, а оттуда, вместе с твоим родным братом в Одессу. Это у меня в жизни был особый предмет для гордости: я с папой вдвоем ездила на море!

Твой брат ездил на «Волге» со спецномерами, так что мотор там, конечно, был другой. Ему, я думаю, было скучновато ехать в одном ритме со старым «Москвичом». Он, то вырывался вперед, то отставал. Но на одном коротеньком интервале дороги, когда он ехал за тобой, тебя тормознул гаишник. Ты съехал на обочину, и милиционер пошел к твоей машине, но, тут же, следом за тобой, на обочину стала съезжать и крутая «Волга». В том своем нежном возрасте я не очень разбиралась в тонкостях рангов, статусов и других регалий, (впрочем, я и сейчас оцениваю людей не по табличке на двери, а по делам их, это у меня, наверное, твое наследие). Но я вдруг увидела, как резко изменилось лицо гаишника. Он не просто побледнел, он побелел и быстро-быстро замахал тебе жезлом, мол, езжай ради Бога, от греха подальше. И мы поехали....

Это была коротенькая поездка, пару дней не больше. Но на море мы ездили всей семьей каждый год. И я помню, как ты учил меня нырять и плавать. Нам всегда было весело вдвоем. А помнишь, как мы вставали в четыре утра и ловили на пирсе бычков? Ты сделал для меня персональную «донку» на пять крючков и, когда я ее вытаскивала, там обязательно трепыхалось 2—3 рыбки. А потом мама жарила их нам на обед на керосинке на берегу возле палатки. И это была самая вкусная и сладкая рыба, которую я когда-либо ела.

Ты брал меня с собой на демонстрации, водил на все утренники, гордился мной, моими успехами. Любил рассказывать друзьям, что тебе на работу прислали из школы благодарное письмо и мою фотографию. И с тех пор у вас на предприятии появилась Доска почета «Дети наших сотрудников».

А однажды мама куда-то уехала, и мы остались с тобой вдвоем, потому, что сестры тоже не было дома. И ты решил, что мне обязательно нужно купить платье. (Вообще-то, нашим гардеробом всегда занималась мама, и мне кажется, довольно успешно). Но тогда ты сказал мне собираться, и мы отправились в магазин. Что продавалось в советских универмагах, могут представить себе только те, кто это видел. Но твое желание видеть свою дочь нарядной и счастливой, преодолело даже это препятствие. Это было чудесное шерстяное платье очень элегантного покроя, полуклассического полуспортивного стиля. Я очень любила его носить. И вот сейчас я подумала, а ведь этот стиль одежды я предпочитаю до сих пор. Спасибо. Твой художественный вкус никогда не изменял тебе. Жаль, у меня нет твоих рисунков. Осталось только одно стихотворение, написанное тобой в одном из наших путешествий на море.

Ты всегда был рядом

Ты очень переживал, зная о моем неудачном браке, но никогда ничего не говорил. Чуткий, тактичный – просто старался помочь, чем мог. Зато я помню, когда я вышла замуж второй раз, ты как-то подошел ко мне и сказал:

– Я тебя ни о чем спрашивать не буду. Ты только скажи мне, тебе сейчас хорошо? Ты в порядке?

И как посветлело твое лицо, когда я ответила «Да. Я в порядке. Все хорошо, пап».

Для моих сыновей ты и сейчас самый главный авторитет. Однажды, один из них в споре со мной сказал: «Как ты можешь, ты, бабушкина дочь...?». Если нет других аргументов – есть мой отец!

Никогда не забуду, когда я пришла к вам домой и сказала, что мой второй муж хочет уезжать. Я помню тот разговор дословно, так я была ошеломлена:

– Ты поедешь вместе с ним.

– А дети?

– Пока мы живы, о детях не беспокойся. Устройтесь – заберете к себе.

Где ты?

Тогда я не уехала.... Тогда ушел ты.... Ты пошел провожать своего друга в последний путь и никто даже вообразить себе не мог, что это был и твой последний путь тоже.... Ты ушел, чтобы никогда больше не вернуться. Мы искали тебя, папа, я бегала к экстрасенсам, обращались в милицию.... Да вот только, зная твой характер, боюсь, что милиция могла оказаться «с другой стороны». Долгие годы я надеялась, что ты вернешься. Мне снились сны, где ты приходишь домой. Я спрашивала: «Почему? Ведь ты же любишь нас, ты не мог просто так уйти!». Знаешь, я думаю, ты был для меня тем самым причалом, где швартовался мой корабль. Вскоре после твоего ухода я переехала в другой город, теперь живу в другой стране.... И теперь у меня уж точно нет никакой надежды увидеть тебя. Но дом, в который ты мог бы вернуться, ждал тебя до тех пор, пока была жива мама...

Твой день рождения у нас – самый главный праздник. В этот день мы варим полевою кашу – твою кашу. Таковую, какую ты всегда готовил: на природе, на костре в казанке. Эту кашу любят все наши друзья. Теперь это наша семейная традиция, часть нашей жизни. И мои сыновья, твои внуки эту традицию продолжают.

Прости нас за пустую суету, за наше невнимание, за то, что всегда не хватало времени или, скорее, понимания. Как просто – сесть рядом и поговорить. Спросить: «Как ты? Как живешь, как дела?». НО... Мы всегда заняты. Работа, дети, бизнес. Хочется отдохнуть....

Прости, что ничего не могу изменить, исправить. Знаю, что часто была несправедлива к тебе. Понимаю теперь, как тебе было больно.

Ты умел любить людей. И очень любил свою семью. Нас.

Из жизни твоей...

Ты практически никогда ничего мне не рассказывал о своей жизни. Сейчас-то я понимаю, почему. Зная мою детскую наивность и прямоту (увы, последняя осталась со мной по сей день, что подделаешь – Стрелец он и в Африке Стрелец!), ты понимал, что информацию я выдам со всей непосредственностью тут же, как только появится человек, которому я стану доказывать, «что такое хорошо и что такое плохо». В те времена это могло бы обернуться большой бедой для всей семьи. А семья была смыслом твоей жизни, собственно жизнью. Ты оберегал нас.

В твоей биографии был 33-й год. Голод. Что мы знали об этом? Уже только в 90-е я узнала одну историю из твоего детства. Ваша мама, моя бабушка, жила со своими детьми (на минуточку, 3 сына и дочь) одна, поскольку деда собирались раскулачивать, и он увез семью из родного села в город, а сам вынужден был мотаться по городам и весям, чтобы как-то семью поддерживать. Однажды вы сидели за столом, и ваша мама поставила на стол горшок с кашей. И в это время к вам в комнату зашли комиссары. Один из них подошел к столу, рукой зачерпнул кашу из горшка, попробовал. А затем, взял этот горшок и разбил его об пол. А чтоб мало вам не показалось, еще и растоптал остатки каши сапогом. Вот после этого твоего рассказа я увидела «единственно правильное в мире государство Советский Союз» совсем другими глазами.

Ты никогда никому ни на что не жаловался. Война. Она оставила свой след в жизни миллионов. Она оставила свой след и свои метки и в твоей жизни. Я что-то не помню никаких «героических историй», хотя в детстве играла твоими боевыми медалями. Только одну историю я знаю, историю о том, как ты выжил. Да и это ты рассказал мне только потому, что был благодарен человеку, вытащившему тебя из пекла.

Ты был ранен. Осколочное ранение в горло и в ногу. Матрос, десантированный с торпедного катера. Кто это? Да так, пушечное мясо. Вас бросили умирать на обочине дороги, по которой отходили войска. Вы лежали там вдвоем, ты и твой однополчанин. Говорить ты не мог. О чем ты думал, этого ты мне не рассказывал. И в это время по дороге проезжала машина, в которой был какой-то генерал. Он увидел вас и остановился.

– Кто бросил здесь матросиков?! На носилки их и будете нести перед моей машиной.

Так вас донесли до санчасти. Так ты остался жив. Я не знаю имени этого генерала. Может быть, даже ты его не знал. Но я молюсь за него. За то, что он спас моего отца. За то, что я родилась.

Мама, спасибо тебе...

А с тобой, мама, у нас все было по-другому. Сильная, властная, порой даже жесткая... Ты всегда брала на себя ответственность за все и за всех. Ты решала все вопросы, «доставала», «пробивала»... С тобой было непросто. Наверное, труднее всего было отцу. Вы часто «цапались», и не мне судить, кто был прав, а кто виноват. Как ни странно, но я всегда была на твоей стороне и с «умным видом» предлагала тебе с ним развестись. Слава Богу, что этого не произошло. Я не помню, чтобы у нас с тобой был особый душевный контакт. Мне всегда казалось, что ты больше любишь мою старшую сестру, чем меня. Больше, меньше... Нельзя разных людей любить одинаково, ты любила нас, как умела. Ты делала для нас все, что могла.

Сейчас я понимаю, что знала о тебе еще меньше, чем об отце. И только случайно найденные дневники, которые ты писала тогда, когда жила в оккупированном немцами Харькове, открыли мне глаза на многое, чего я не понимала раньше.

Ты всегда была занята, часто брала работу на дом и делала эти бесконечные балансы и отчеты. Ты занимала довольно серьезные должности: зам. главного бухгалтера объединения, главный бухгалтер управления, работник КРУ. Просто? Для человека с умной головой, в общем-то, нормально. А вот только, как быть с анкетой? А об этом я узнала уже после твоей смерти. Разбирая старые бумаги, я наткнулась на справку, выписанную на немецком языке и аусвайс. Вот это, действительно, был удар по голове. Нет, я знала, что ты была в оккупации, знала, что ты содержала свою мать и младших брата и сестру. Но я даже представить себе не могла, что ты работала в банке! В те годы ты была совсем еще девчонкой, даже институт не успела закончить. Но, видимо, уже тогда, взяв на себя ответственность за дорогих тебе людей, ты решала поставленные задачи. Ты шла к своей цели, не замечая препятствий.

Очень многое мне не нравилось и я, в своем юношеском максимализме, пообещала, что все буду делать наоборот. Ага! Как же! Может быть, я, действительно, чуть по-другому решаю семейные вопросы или по-другому организовываю свое домашнее хозяйство. Хотя, по-другому ли? Кто, как не ты, научил меня экономить и считать деньги?! Только вот принимать все удары и всю ответственность на себя – это только ты умела и меня научила. Научила идти к своей цели, не сдаваться, не ныть.

Как же это произошло?

Ты была очень волевой и сильной, и я привыкла видеть тебя именно такой. Я и представить себе не могла тебя другой, больной, нуждающейся в помощи. Увы, годы и горе меняют человека. После того, как ушел папа, ты вдруг стала сдавать. Ты стала стремительно терять зрение, как будто с его уходом твой мир стал гаснуть. А я, как-то даже не верила, не могла в это поверить. И ты почти ослепла, стала беспомощной. Но к этому времени я уже жила в другом городе. И я поняла, что тебе нужен уход, что сама ты не справишься. Организовать уход не большая проблема, это сделать нетрудно. Я считала, что решив эту задачку, могу больше ни о чем не беспокоиться. Только я была очень неправа. Этого недостаточно. Я помню, как однажды я приехала к тебе и (как всегда!) спешила куда-то. Ты позвала меня, взяла за руку и попросила присесть рядом с тобой на кровать, просто побыть рядом. Я присела, но внутренне сопротивлялась этому. Не понимала...

Мамочка, родная, прости! Если б я могла вернуть ту минуту, я просидела бы с тобой весь день. Я бы говорила тебе о том, как много я добилась, благодаря тебе. Поэтому, хотя бы сейчас я хочу сказать: я очень тебя люблю. Спасибо тебе.

Когда ничего нельзя изменить...

Я знаю, вы никогда не прочтете этих строк и никогда не узнаете о том, как мне вас сейчас не хватает. Но, может быть, кто-то другой прочитает это письмо и, отложив в сторону все свои дела, несомненно, важные и срочные, сядет в машину или возьмет билет на автобус, поезд, самолет или просто перейдет на другую сторону улицы и постучится в дом к своим, еще живым родителям. Зайдет к ним и скажет:

– Привет! Ну, как вы тут, без меня? Вот выдался свободный денек, решил заглянуть к вам....

Предновогодняя сказка

Это был всегда самый-самый праздник. Даже лучше, чем день рождения. Папа приносил елку. Обычно это событие происходило тридцатого декабря, и радостное ожидание этого пушистого зеленого, потрясающе вкусно пахнувшего чуда всегда смешивалось с каким-то восторженным напряжением, а вдруг что-то случится и елки не будет. Но елка всегда появлялась вовремя. Её вносили в коридор, и мне ужасно хотелось, чтобы она сейчас же, сию же минуту оказалась на положенном ей месте. Но папа говорил:

– Подожди чуть-чуть. Она же с мороза, ей нужно немножко оттаять.

И начинал аккуратно развязывать верёвку, которая притягивала её пушистые ветки. Затем, ёлка стояла в уголке, с замечательно-колючих иголок медленно скатывались холодные капли тающего снега, а я нетерпеливо приплясывала вокруг, все время спрашивая:

– Ну, уже можно? Уже заносим?

Зато пока елочка оттаивала, с чердака доставали ящик с елочными игрушками. О, это был какой-то совершенно необыкновенный ящик. Сколоченный из неструганных брусочков каркас был обшит довольно толстой фанерой. Я даже не представляю, для чего этот ящик изначально предназначался, и что там хранили. Но теперь это был ящик с новогодними сокровищами. Затем папа прибывал к основанию елки крест, и елка занимала самое почетное место в доме – между двумя окнами, там, где обычно стоял телевизор. На это время телевизор сдвигался в сторону и скромно выглядывал из-под пушистых веток. Потом папа вешал гирлянды разноцветных лампочек. Эти гирлянды он сделал сам. Лампочки были покрашены разными цветами, и от старости краска на них местами облупилась, но это все равно были настоящие мерцающие новогодние огоньки. Затем, папа брал острый нож и аккуратно подрезал самую верхнюю веточку, на которую устанавливал верхушку. У нас было несколько чудных остроконечных верхушек и каждый год мы выбирали одну из них. И вот тут-то начиналось самое главное действие.

Сначала мы нанизывали на ниточки конфеты. Это были шоколадные конфеты: «Красный мак», «Кара-кум», «Белочка», «Мишка косолапый» и множество других, обалденно вкусных и совершенно необходимых, без которых и елка и новый год казались бы какими-то ненастоящими. А однажды, к новому году мама купила так много самых разных конфет, что их даже пришлось все сыпать в наволочку, потому что они вываливались из кулек и норовили рассыпаться по полу. Конфеты были завернуты очень удобно, в плотную бумагу с красивыми картинками. Самое главное преимущество той обертки заключалось в том, что ее можно было аккуратно раскрыть, вытащить конфету и придать уже пустой бумажке первоначальную форму. Так что, конфет хватало надолго.

После того, как конфеты были повешены, из ящика извлекались игрушки. Боже мой, какие это были великолепные игрушки! Огромная розовая шишка, сантиметров десять в длину, большие стеклянные часы, которые всегда показывали без пяти минут двенадцать, невероятно красивые блестящие шары, несколько разноцветных сосулечек. А еще у нас были игрушки на прищепках. И тогда мы старательно размещали их на самых прямых веточках, чтобы они стояли ровно и не наклонялись. Их тоже было много, но самыми любимыми были, конечно, Дед Мороз, Снегурочка, и Турецкий султан.

На пианино стояли вазы с апельсинами и мандаринами, тарелка с яблоками, в хрустальной ладье лежали орехи. Яблоки были из нашего сада, зимние сорта. Папа снимал эти яблоки с деревьев поздней осенью, каждое из них заворачивали в бумагу и хранили в погребе,

а на Новый год всегда были свои яблоки. Я все норовила повесить на елку побольше всего, в том числе яблоки и мандарины. Уж не знаю, как, но, не огорчая меня, родителям удавалось направить бурную энергию в мирное русло, и яблок на елке все-таки не было. Запах хвои, мандарин и яблок, смешавшись в один неподражаемый букет, наполнял комнату. В кухне за стеной топилась печка и с елки кое-где скатывались капельки растаявшего снега.

Помню, что однажды в этот важный день я заболела. Что, чем и как совершенно неважно, но, видимо у меня была высокая температура, потому что суетиться, бегать и скакать непрерывно вокруг елки и родителей, у меня не было сил. Я сидела в кресле и просто наслаждалась этой предновогодней сказкой. Но вот когда пришла пор вешать на елку самую большую, мою любимую розовую шишку, я все-таки захотела сделать это сама. Мама взяла меня на руки, подошла со мной к елке, и я собственноручно водрузила эту шишку. Правда, через несколько дней мне показалось, что шишка висела не совсем там, где я ее повесила, но это было уже не столь принципиально.

Когда все игрушки были повешены, наступал черед мишуры и дождика. Сначала, я думаю, это делала мама, но позже, когда я уже могла взобраться на стул и достать до середины елки, я выполняла эти важнейшие завершающие штрихи, забрасывая легкую фольгу почти на самую верхушку. А вот если уж совсем не получалось достичь нужной точки, то здесь на помощь приходил папа.

А самое главное – в это время мы все и всегда были счастливы. Мы улыбались, шутили, смеялись.

И вот наступала торжественная минута – на елке зажигали новогодние огоньки и гасили в комнате свет. Мы сидели все вместе. Я забиралась на руки к папе или к маме и, затаив дыхание, смотрела на светящиеся лампочки, поблескивающие в полутьме шары и таинственно мерцающий дождик.

А потом меня укладывали спать. Но из кроватки была видна часть нашей новогодней елки и, по моей просьбе, ее оставляли включенной.

Я до сих пор люблю засыпать в предновогоднюю ночь, глядя на мерцающие разноцветные огоньки. В эти минуты я снова вижу ласковую улыбку мамы и бесконечно любящие папины глаза.

23/05/2012

Билеты в цирк

Она не плакала, когда шла домой. Она вообще никогда не плакала. Стиснув зубы, делала то, что должно быть сделано. Так было всегда. И так будет.

День зарплаты. Денег совсем немного, но дети давно просились в цирк, и билеты были куплены. Сама Женя тоже любила цирк и радовалась предстоящему удовольствию. Втроем они будут смотреть на гимнастов, хохотать шуткам клоунов и есть мороженое в антракте. Так когда-то она ходила в цирк со своими родителями. А теперь пойдет на этот праздник со своими сыновьями. У нее была самая счастливая семья: она и два ее сына. Бывшему мужу в свое время сказала: «Я воспитаю детей сама. Мне от тебя ничего не нужно. Алименты оставь себе, только уйди и не мешай нам жить». Он не спорил.

Купив билеты, зашла в магазин за какой-то мелочью. А из магазина вышла с разрезанной сумкой и без кошелька. Небольшая часть зарплаты лежала в блокноте – привычка не класть все яйца в одну корзину. Билеты остались в кошельке, там же и большая часть денег. И, хотя оставшейся суммы явно не хватит дотянуть до следующей получки, но жалко было именно билеты в цирк. У них украли частичку радости. Женя встрепенулась. У них... У моих детей... НЕТ!

Истерики типа: «Ах, за что это мне», не из ее репертуара, нужно искать кардинальное решение. Итак, что в активе? Небольшие программные наработки, пара коммерческих компаний, которые только начали зарождаться, несколько «шапочных» знакомств. Вот, пожалуй, и все.

На следующий день позвонила в одну из таких компаний и предложила купить программный продукт, разработанный их отделом. Шеф давно искал покупателей и обещал премию в случае успеха. Директора на месте не оказалось, но Женю пригласили на встречу, чему она несказанно обрадовалась.

В назначенное время была в офисе, но директор пока не пришел, и ее попросили подождать. Прошла в комнату и села на один из деревянных стульев с откидывающимися сиденьями – такие обычно стояли либо в актовом зале, либо в старых кинотеатрах. Кроме нее в комнате было еще двое ребят, которые сидели за столом в другом конце помещения, яростно обсуждая проблему поставки компьютеров. Послушав их минут пятнадцать, вдруг сказала:

– Извините, что вмешиваюсь. У меня есть хорошие знакомые в Эстонии, они тоже занимаются поставкой компьютерной техники. Может, вам будет интересно?

Ребята замолкли и уставились на нее. А в это время пришел директор.

Разговор с директором оказался каким-то скомканным, программное обеспечение ему не подошло, и новые разработки не требовались. Но поставкой компьютеров он заинтересовался и сказал, что обязательно позвонит.

Когда она уходила, один из парней, которые были в кабинете, догнал ее.

– Я – Антон. Вы, как я слышал, Евгения?

Она кивнула, вопросительно глядя на него и ожидая продолжения.

– Давайте, подброшу вас, – неожиданно предложил он. – Вам куда ехать?

Женя даже растерялась. Молодой человек явно напрашивался на продолжение знакомства, которого она совершенно очевидно для себя самой не желала.

– Спасибо. Мне недалеко, и я поеду на метро.

Рядом прогрохотал трамвай, заглушая его возражения, и, улыбнувшись, она кивнула и отправилась в свою лабораторию.

Директор той компании обещал позвонить через день, но прошло уже четыре, а звонка не было. Женя упрямо просчитывала варианты, в уме моделировала различные ситуации и на пятый день позвонила сама. Раздраженный женский голос на том конце провода ответил, что директор отсутствует и когда будет – неизвестно. Сердце неприятно сжалось, но дома

Женю ожидали ее мальчишки, которым нужно было покупать свежие фрукты, катастрофически быстро изнашиваемую обувь и... билеты в цирк. Подавив в себе отвратительное чувство растерянности перед хамством, она настойчиво сказала:

– Я вела переговоры о поставке персональных компьютеров. Мне нужно что-то ответить поставщикам. Есть ли кто-то, с кем можно говорить на эту тему? – в ответ ей неразборчиво буркнули: «Подождите». И затем мужской голос произнес:

– Я слушаю вас.

Женя снова начала говорить о поставке компьютеров, но он ее вдруг перебил.

– Вы где сейчас?

– На работе, – удивленно ответила она.

– Я понимаю. Где вы находитесь? Я через час смогу подъехать, и мы обо всем поговорим.

Она продиктовала адрес.

И тут ее вызвал шеф. До главного корпуса идти минут пятнадцать. Обычно сдержанный и немногословный, в этот раз зав. кафедрой был удивительно словоохотлив и живописал, как отлично сложится ее карьера и вырастет зарплата, когда она приступит к написанию кандидатской. Женя в отчаянии поглядывала на часы. Назад она почти бежала.

Недалеко от входа на лавочке грелся... Антон. Он бросился к ней навстречу и с сияющей улыбкой произнес:

– Я уж думал, что ты не придешь....

Из разговора выяснилось, что директор уволен, а на его место назначили... Антона.

После довольно долгой беседы Антон уехал, а буквально минут через десять к ним в лабораторию пришел... бывший директор. Он долго морочил Женю голову, но так и не сказал, что уже не работает в той компании.

Сделка по поставке компьютеров состоялась. Женя с Антоном слетали в Эстонию и привезли безумно дорогую технику.

Ее родители встревожились, узнав, что она увольняется из института и переходит на работу в коммерческую фирму – и попросили ее «крепко подумать». В институте – стабильная зарплата, у нее дети...

То было лето безумных перемен. Цены взлетали с космической скоростью, и деньги обесценивались со скоростью света. Но Женя уже зарабатывала достаточно, чтобы покупать помидоры на базаре по цене, неподъемной на ее институтскую зарплату.

А в цирк они пошли вчетвером.

3.09.12

Кожух

Шел год 1926. Новая власть в Украине. Рабоче-крестьянская. Самая правильная, самая справедливая. Школу в селе Саражинка, что в Одесской губернии, устраивает, чтоб деток учить. Что ж, то дело хорошее, село большое, а детям грамота нужна.

Петро Иосифович крепким хозяином был. Дом каменный под железной крышей недавно отстроил. Светлый, просторный. На кухне печь русская. Горница на два окна. В красном углу – иконы. Рядом с иконами – полка с книгами. Три спальни – для всей семьи хватит. И то сказать – трое сыновей подрастают. А младшая доченька уж в новом доме родилась. Да и старая хата, хоть и соломой крытая, но тоже не в землю вросла.

Тут и удивляться нечему. Землицу возделывал, скотину держали. Ремесло надёжное. Лучшим резником в селе был Петро. А резник, ясное дело, всегда свой кусок мяса получит за работу. Да и коммерческую жилку Бог дал. Время-то какое: хочешь работать на селе – думай, зарабатывай. Урожаи добрые. Вот Петро лук выращивал и через Одессу в Харьков возил продавать, вагонами. Харьков – город большой. Людей много. Лук хоть и не хлеб, но до хлеба, да и борща без него не сварить. А жена его, Селя, тоже до хозяйства быстрая. Всё в руках спорилось. Огород немалый, но ухоженный, овощи – хоть на выставку. И дети присмотрены, и к работе уже приучаться начали.

Живи и радуйся. Вот только...

– Петро, слышишь, опять отряд пришёл. Неужто заберут? Страшно. Снова стреляли...

Восемь лет назад в 1918, как раз сын её второй, Иванко, родился, Секлетия потеряла отца. Не просто умер староста Назар Скрыпник. Тогда власть менялась чаще, чем день сменял ночь. Люди, что ж — по хатам да переждать. Только каждый новый атаман старосту требовал. Вызовет к себе, распоряжения отдаёт. Учит, как теперь жить в селе. Сколько продуктов сдать, как новой власти служить, какому порядку быть на селе да кого славить.

...Перед глазами снова всплыл тот день. Они стояли вокруг матери своей Устиньи: Секлетия, Ганна, Христина, Соломия да маленький Мойса за подол цеплялся. Устя на сносях уже, скоро рожать. А вокруг казаки. Много их. Азартно мчатся лихие бойцы славного атамана Симона Петлюры. За справедливость бьются, за счастье народное. А на том пути оказался старый Назар. Велел он Ваньке Бескорытько вернуть картошку, что тот на Марьином огороде выкопал. Вот Ванька и поведал атаману, что Назар с краснопузыми снюхался. А красную сволочь да их приспешников истребить нужно. Приговорили старосту к четвертованию. Приводят казаки приговор в исполнение. Свистят пашки, срубая части живого тела. Вот рука отлетела в сторону. Брызнула фонтаном горячая кровь, в крике зашлась Устинья. Забилась в чреве матери дочка младшая, словно и её кровь отцовская обожгла. С гиканьем промчался следующий борец за правое дело – и срубил стопу, чтоб неповадно было землю топтать. Идёт потеха. Пьянит кровь чужая. Летят по сторонам ошметки плоти живой. Отцовского тела. Вытекает жизнь из старосты. А с ней и справедливость в землю уходит.

Селя вздрогнула, отгоняя страшную картину, забыть которую не только она – внуки её не смогут.

– А что нам бояться, мать, мы же против власти не идём. На чужое не заримся, но своё тоже не отдадим, – Петро лукавил. Хоть и не шёл против власти, но знал, что дом его и достаток не одному бездельнику поперёк горла стоят. И судьбу тестя не забыл. Только жену успокоить пытался.

...Дверь с грохотом ударилась в стену.

– Ну, кулацкая морда, надумал? Сам отдашь? – На пороге стоял низенький мужичок с красной звездой на папахе, которая явно была ему велика, а за его спиной два красноармейца с винтовками.

– Я чужого не брал, – Петро шагнул вперёд, отодвигая жену за спину. – Мой дом, не украл. Сам зарабатывать, сам строил. По какому такому закону отдавать должен? – он говорил спокойно, тихо, глядя прямо в глаза вошедшему. В доме было тепло, уютно, вкусно пахло жареными кручениками, на которые Селя была великая мастерица. Но казалось, что распахнулись окна и густой снег вокруг закружился. – У меня четверо детей. Для них строил, почему отдавать буду? Не отдам.

– Ах, вот ты как, гнида буржуйская, заговорил? Ты, значит, против, чтобы дети крестьянские учились?! – комиссар брызгал слюной, багровея от злости. – Хочешь для своих байстрюков сладкую жизнь устроить? Советская власть бедняцких детей учить будет. Советская власть постановила школу открыть, значит так и сделаем!

– А я не против власти. Но коль надумала она школу делать – пусть дом под неё и построит.

– Ты мне зубы не заговаривай, – он шагнул вперёд, да под ноги ему подвернулся младший пятилетний Миколка. Удар сапога отшвырнул мальчика к огромной русской печи. Хлопчик заплакал, из люльки откликнулась маленькая Ганночка.

Селя заметалась, не зная кого раньше успокаивать. Подхватила Ганнусю, прижала голову сына: «Тише, тише. Всё пройдёт, не плачь. Мама поцелует, и всё пройдёт. Уже хорошо. Хорошо».

– Детей не тронь, что они тебе..., – Петро говорил спокойно, хотя внутри всё клокотало. Знал – одно слово и беды не миновать.

– Товарищ комиссар, тут в подполе сало лежит, да окорока копчёные, – послышался голос одного из бойцов.

– Забирай всё, – крикнул тот в ответ. – Так, говоришь, не отдашь дом под школу? – он повернулся к молоденькому красноармейцу, стоящему у двери. – Отведешь до ставка и шлёпнешь эту паскуду кулацкую. Потом нас догоняй. Времени в обрез. Завтра утром будем школу устраивать, – повернулся он к перепуганной Секлетии, – если хоть кого здесь увижу – расстрел на месте за сопротивление советской власти. – И, смахнув со стола кувшин да перевернув стоящий в печке горшок с кашей, вышел вон.

Красноармеец вскинул трёхлинейку: «А ну – пошевеливайся!».

Заголосила Селя, вцепилась в мужа. Заплакали дети. Он обнял жену, оторвал от себя её руки. «Детей береги». Вот и всё.

У двери висели два кожуха. Старый, что уже старший сын носил, и новый. Недавно Петро справил себе. Провёл рукой по потёртому вороту старого. И надел новый, почти не ношенный. Обул сапоги.

– Пойдём, не пугай детей, – и, глянув на семью, шагнул на крыльцо.

Небо темнело. Зимой день короток, а тут и снег пошёл. Густой, красивый. Замечает следы красного отряда, уходящего из села со звонкой песней.

Петро неспешно шёл по притихшей улице. Уверенно шёл, спокойно. Будто и не на расстрел вёл его этот молодой мальчишка, держащий в непривычных к убийствам руках, старую винтовку. За подслеповатыми оконцами затаилась жизнь. Замерло село. Потрескивает мороз. Синеет лёд на ставках. Смерть рядом. Вот она, можно рукой дотронуться. «Пропадут они без меня. Пропадут. Селя сама не справится. Макару, старшему только десять лет минуло. А дочка совсем кроха. Недавно ходить научилась. И дом отберут. Куда семья денется?»

– Давай, шагай, – молодой хлопец подтолкнул его дулом ружья.

– А куда мне торопиться? До смерти? Так я ещё успею, – Петро говорил спокойно, негромко. – Я, сынку, вот что думаю: шинелка у тебя совсем худая. Замерз ты. Вон губы посинели от мороза. А знаешь, бери моего кожуха. Кожух знатный, тёплый. Только этой зимой справил. Бери. Тебе тепло будет. Вон снег идёт какой. Всё гуще. А ты меня отпусти. Не бери греха на душу. Своим скажешь, что пристрелил, а снегом уж и замело. Бери кожуха. – И, оставившись, Петро снял кожух и протянул его красноармейцу.

Тот недоверчиво посмотрел на куркуля, которого приказано было расстрелять: «Куркуль..., а у него четверо деток малых. И говорит он хорошо, не злобно. Может, никакой он не куркуль? А дом... То ж его дом...» Мысли мелькали быстро: «А что командир скажет? Ну, как узнает?».

– Не вагайся, сынку. Отпусти меня. А я сегодня же ночью из села уеду. Заберу семью и уеду. Никто не узнает. Бери кожуха.

Красноармеец опустил винтовку. Добротный тщательно выделанный кожух ещё хранил тепло хозяина, который стоял в одной домотканой рубаше, чуть тронутый вышивкой по вороту, под холодными тяжелыми хлопьями падающего снега.

Молодой хлопец смотрел на черноволосого статного мужика с небольшими усиками, на запорошенную снегом непокрытую голову... Он вдруг вспомнил, как закричал мальчонка, которого сапогом ударил его командир... Дома у красноармейца был младший братишка. Почти такой же малец...

– Иди, отец. Спасибо тебе за кожух. Коли жив останусь – детям своим передам, как память. А теперь иди. Да только смотри, сегодня же уезжай. Не то и тебя шлёпнут, и меня рядом к стенке поставят. Отряд завтра вернётся, школу будем делать. Сегодня же, слышишь?

– Уйдём, сынку, сразу уйдём. Я жить хочу и семью не брошу. А тебе – дай Боже здоровья. Не теряй душу свою, – и, повернувшись, скрылся у ставка, возвращаясь незамеченным к дому.

Красноармеец снял шинель, поёживаясь от лютого холода, надел кожух. Тёплый мех прильнул к озябшему телу, отогревая застывшую кровь. И на сердце полегчало – не взял грех на душу. – Да и какой он враг, тот мужик. Вон, четверо мальцов по лавкам. А разве его отец согласился бы свой дом вот просто так отдать, детей обездолить? Правильно сделал, что отпустил. Правильно. – Он скатал шинель, закинул винтовку за плечо и быстро зашагал вслед ушедшему отряду.

Секлетия, будто потерянная, сидела посреди горницы. Вокруг валялись черепки разбитой посуды. Из кухни тянуло смрадом горелой каши, вывернутой из перевернутого казанка прямо на горячие угли. Испуганно молчали старшие дети. Затихла Ганнуся, судорожно вздыхая после долгого плача. Перестал всхлипывать маленький Миколка, лишь потирал ушибленные места. Смерть стояла в углу и спокойно наблюдала за обездоленной и осиротевшей семьёй.

– Как же так, – думала Селя, – как же так? Петлюровцы отца зарубили. Красные мужа расстреляли. Разве так может быть? Разве по справедливости? И как жить теперь. Петро...

Тихо отворилась входная дверь.

– Тату, вы? – вскинулся Макар, – тату!

– Ш-ш-ш, сынку. Тихо. Селя, чуешь? Селя, живой я. Собирайся. Уходить надо. Тихо только.

Наступая в темноте на черепки и скользкие остатки каши, Петро подошёл к онемевшей жене, обнял за плечи:

– Собирай детей. Сегодня ночью нам уйти надо. А не то дострелят меня. Макар, – он повернулся к старшему сыну, – ты беги до деда Иосифа, да скажи ему, что обошлось, живой я. Но только говорить того никому нельзя. Попроси еды какой, если есть нам в дорогу. У нас

из хаты всё забрали. Скоренько. Ночь хоть и долгая, только времени мало. А ты, Иванку – до бабы Усти. Да чтоб вас никто не видел. Понятно?

Они ушли за два часа до рассвета. В котомках лежал хлеб, лук. Петро взял с собой нож, которым забивал кабанов, и книгу «История Украины». Селя несла иконы и Библию. По животу и спине у неё бежали горячие солёные струйки, разъедающие кожу. Дай, Боже, здоровья Марусе-соседке – она принесла им большой пласт сала. Сама обернула им Селю, сама привязала до живота. Чтоб с голоду не померли в дороге.

– Тату, а где ваш новый кожух? – спросил Миколка. В его котомке лежала книга по пчеловодству, и он с трудом поспевал за старшими, стараясь не отстать.

– Кожух? – Батько улыбнулся, – а я его обменял. Очень удачно.

– А на что, тату?

– На жизнь, сынку, на жизнь.

13.08.2013

Сирень с тюльпанами

– Вчера умер отец... – Нежная трель телефона выгнала Машу из сладких снов. Она хотела поспать сегодня, на работу ей к двенадцати. И вот позвонила Тоня.

– Мы с Тимкой едем на похороны в четверг... – Дочь продолжала говорить что-то, но Маша уже не слышала.

...Гриша был щедр и галантен. Подавал руку при выходе из автобуса, помогал надевать пальто. Девчонки завидовали, но один из его сокурсников посоветовал ей быть осторожнее, мол, не так Гриня хорош, как хочет казаться. Маша тогда разозлилась – Иван ухаживал за ней, но она выбрала Гришу.

Они пошли в ресторан. До этого Маша никогда не бывала в таких заведениях. Иногда с родителями ходили в кафе или в столовую, когда отдыхали в Крыму. А тут он повез её в один из лучших ресторанов. Когда они сели за столик, выгнал из бумажника деньги – четыре червонца и, сложив веером, предложил Маше – выбирай. Зачем? Она так и не поняла. Позже узнала, что эти деньги ежемесячно присылали его родители – на жизнь. А потом в магазине купил ей модную тогда «резинку» – зеленый трикотажный свитерок с белыми полосками.

...На их свадьбе гуляли две группы – из обоих институтов.

...За темнеющим окном поезда бегут поля, столбы, плачут замерзшие деревья под осенним дождем. Маша в плацкартном вагоне, а Гриша – в общем. Так получается на рубль дешевле. После свадьбы прошло два месяца, и молодожены отправились проведать его родителей, живущих в небольшом городке в четырех часах езды. Маша ёжится, – где же муж? Договорились ведь, как только проверят билеты, он придет к ней, а потом, перед прибытием, вернется в свой вагон. Прошло уже минут сорок, проводница давно собрала билеты, а Гриши все нет. Сколько же можно ждать? – И она решительно направляется в его вагон.

В тамбуре накурено, стоит несколько мужчин, в руках держат стаканы. Водку разливают её муж...

Очнулась в вагоне. Гриша растирал ей виски нашатырем, выпрошенном у проводницы, и клялся, что это было в первый и последний раз.

Потом – сессия. Они жили с родителями Маши. Когда собрались пожениться, родители задали вполне резонный вопрос:

– А жить вы на что будете? Семья – это ведь не просто.

– Так вы будете содержать Машу, мои родители – меня, пока институт не закончим. Это казалось совершенно естественным, мол, а как же иначе? И Маша в этом тоже не сомневалась. Но стипендия была бы очень кстати. Родители – это хорошо, накормят и за жильё денег не возьмут, но оставалась ещё уйма вопросов, которые нужно решать.

– Я сегодня не приду домой, заночую у ребят в общежитии, будем готовиться к экзамену. – Предупредил Гриша жену.

Но подготовка не помогла, экзамен завалил – уже второй, грозит отчисление... А на следующий день она нашла у него в кармане записку – сто рублей карточного долга.

– Слушай, ты мне сказала, что тебе нужны сапоги, я пытаюсь заработать, что ты ещё хочешь? – Заплатить долг помогли родители.

...Молодожены возвращались домой, а по дороге завернули на Главпочтамт. Свекровь прислала письмо сыну «до востребования». Читали вместе:

«...Незачем тебе на тещу батрачить, о себе думай. Встречайся с друзьями, с деньгами будь поаккуратнее, но на себя не жалея. Эта её сестра-проститутка, все хвостом вертит, да и мамаша не лучше. Вся семеечка слова доброго не стоит. Не сиди дома, а то будут на тебе ездить. Видишь, как она тебя сразу захомутать решила, уже и беременная...»

– Маш, давай ты не будешь это читать, – сказал любящий муж, – незачем тебе переживать и волноваться.

Маша промолчала – просто растерялась от обиды, недоумения, незаслуженного оскорбления, не понимая, чем же она так не угодила свекрови. А он дочитал письмо, аккуратно свернул и положил в карман. Больше на почту они вместе не ходили.

– ...Мама, мама, ты где?! Ты слышишь? Что случилось? Почему ты молчишь? – голос дочери прорвался через пелену картин, быстро сменяющих одна другую.

– Я перезвоню, Тоненький. После работы перезвоню. И вы обязательно поезжайте на похороны. Но я тебе ещё перезвоню. Прости, дорогая. – И Маша отключила телефон. Совсем отключила. Муж, тот с которым она живет уже второй десяток лет и которого искренне любит – на работе. Да и говорить с ним на эту тему... Как? Что сказать, о чём попросить?

Она осторожно положила телефон на прозрачный столик, откинула одеяло и тихонько выползла из кровати. Подошла к зеркалу. Взъерошенные со сна волосы, чуть припухшие веки и непроницаемые черные глаза... В них никто и никогда ничего не мог прочесть. Зачем? Зачем кому-то знать, что происходит у неё в душе. Разбираться нужно самой. Вот и сейчас – что-то изменилось в её жизни? Что-то произошло? Умер давно чужой человек. Человек, с которым она не общалась уже много лет, от которого родила своих детей – дочь и сына. С которым делила постель, строила дом... В котором искала свой идеал. А Гриша был другой, совсем другой. Со своей жизнью, своими взглядами на мир. Любила придуманный образ, пыталась сделать его хоть чуточку похожим. Но ничего не получалось, он оставался таким же. А она плакала, страдала и настойчиво меняла его. Человек, которому не могла простить... свои ошибки.

Маша правдолюб по жизни – врать не умела по определению. То есть совсем. У неё в голове не укладывалось, как можно сказать то, чего нет на самом деле, или не ответить на поставленный вопрос. А Гриша, совершенно катастрофически правду говорить не умел. Он лгал вдохновенно, артистически, по поводу и без, рассказывая невероятные истории и, похоже, сам в них верил. В рассказах делал головокружительную карьеру, зарабатывал бешеные деньги, просто всегда мешали какие-то мелкие неприятности и злопыхатели. При этом все и всегда почему-то раскладывалось в его пользу.

Маша давно уже отказалась от ненавистой работы бухгалтером, к которой, как выяснилось, никогда не имела ни склонности, ни таланта, и теперь преподавала йогу. Йога успокаивала, помогала найти себя и служила надежным мостом над жизненными оврагами и провалами. Но зато сейчас она не могла позвонить в зал и отменить занятие – её ждали ученики, да и внутренняя собранность, присущая, ей не допускала слабости и уныния.

На кухне достала из холодильника йогурт, вытащила баночку с медом. До занятий было ещё почти четыре часа, можно даже съесть тост. Солнце поднялось, день обещал быть жарким. В открытое окно залетела пчела и, назойливо жужжа, билась в закрытую половинку. Маша взяла в руки полотенце и подошла к окну. Пчела ползла по стеклу, старательно пытаясь проникнуть сквозь двойное ограждение. Стекло не пропускало, но пчела искала и искала выход – настойчиво, целеустремленно. Отлеплялась, снова пикировала на прозрачную преграду, сер-

дито жужжала, билась о препятствие. Осторожно приложив полотенце к разъяренному насекомому, Маша тихонько начала двигать пчелу к открытой половинке окна. Пчела старалась вырваться из плена, ей это периодически удавалось, но Маша была не менее настойчива, и, наконец, пчела оказалась на воле.

Удовлетворенная добрым делом, взяла свой йогурт. Обычная утренняя суэта не прерывала потока мыслей, побежавших в прошлое. Йога дисциплинировала, и Маша давно привыкла находиться «здесь и сейчас». Но почему-то эта привычка отказала в самый неподходящий момент. Не было ощущения ни кухни, ни настоящего времени.

...Тонечка родилась здоровым спокойным ребенком. Она спала по шесть часов подряд, просыпалась, кушала, агукала минут двадцать и отправлялась спать дальше. Снова всплыла та картина... Детская кроватка, стоящая возле стеклянной двери, засыпана осколками тяжелого рифленого стекла, а Гриша, с пропитанной кровью повязкой на правой руке, покачиваясь, тупо смотрит на жену. Тосенька тяжело всхлипывает на диване в соседней комнате.

– Что случилось? – она бросилась к ребенку.

– Обкакалась твоя дочка... Я передел... Зацепился... – Тяжелый смрадный перегар и невнятное пьяное бормотание...

А потом – жизнь со свекровью.

По распределению уехали в родной Гришин город. Там был крупный комбинат, на котором нашлась работа для обоих молодых специалистов. За столом ели каждый своё, точнее, своё ела Маша, а любимому сыночку маменька подсовывала кусочки со своей миски. Однажды он не выдержал.

– Мама, я, между прочим, не один здесь. Мы с Машей вдвоем.

– Ой, ну, что ты, я же когда предлагаю тебе, я же вас обоих имею в виду, конечно, пусть и Машенька берет, – засуетилась свекровь.

Но Маше не хотелось – кусок вставал поперек горла. Да и готовила она значительно лучше, невзирая на юный возраст.

Однажды попросила золовку сполоснуть под краном тонкий тюль, которым накрывала коляску. Коляска стояла под шелковицей, тяжелые сочные ягоды сыпались дождем, оставляя некрасивые темно-фиолетовые пятна.

– А мне мама сказала, чтоб я для тебя ничего не делала, – отрезала тетя-подросток.

На подоконник приземлился голубь и отвлек Машу от грустных мыслей. Лет пять тому назад, выходя из дома, увидела голубку. Птичка сидела на перилах крыльца, нахохлившись, глаза её заволакивала тонкая пленка, видно, что больна. Маруся принесла ей воды, насыпала немного хлебных крошек. Горлица есть не стала, но время от времени окунала клюв в воду. Вскоре к ней прилетел голубь – что-то ворковал, прохаживаясь кругами, но голубке было не до него. Голубь беспокоился, подходил поближе, нежно касался клювиком. К вечеру, когда Маша вернулась домой, голубка умерла – он сидел рядом.

Мертвую птичку закопали, а одинокому супругу налили воды и насыпали корма. Два дня он не пил, не ел, но и не улетал. Голуби находят себе пару только раз в жизни, так же, как и лебеди. Ему незачем и не к кому было лететь, так у них появился новый член семьи. Голубя назвали Бенья, и сейчас он вернулся с прогулки.

Раз Бенья прилетел – время на работу. Маруся подхватила сумку и легко сбежала по ступенькам.

Занятия шли своим чередом.

– Правую ногу согнули в колене, левая вытянута назад, руки в стороны, работают мышцы ног, держим спину... Поза воина...

Она вела занятия сосредоточенно, не упуская ни одной мелочи, замечая ошибки учеников, поправляя их и не забывая похвалить. Но где-то в затылке билась мысль – умер Гриша. Её первый муж, человек, с которым она прожила долгие одиннадцать лет. Разных лет... Развод не бывает по вине одного человека. В любой ссоре всегда виноваты двое. Это она знала твердо, хотя никак не могла понять, почему они так и не смогли жить вместе. А ведь когда-то, сразу после свадьбы, мечтали о том, что пройдут годы, много-много лет, оба состарятся, будут гулять под ручку в парке и поддерживать друг друга. И потом весело смеялись над этим, не веря в то, что старость может когда-нибудь наступить. То есть, теоретически она наступит, но очень, очень не скоро.

– Ира, спину держи, открой плечи... Воин.

А что это с Ирой сегодня? – мелькнула мысль. – Обычно у неё все отлично получается. После занятий подошла к своей лучшей ученице.

– Что-то случилось? – посмотрела внимательно своими черными глазами. И девушка расплакалась.

– Толик... он меня... побил...

Маша не умела жалеть, ни себя, ни других – после того случая...

...Она сидит у телевизора, а Гриша, опять пьяный, вдруг направился в детскую.

– Пусть Тонька дневник покажет, отец проверит.

– Дети уже спят, не шуми. Проверишь завтра. – Маша встала с кресла, прикрыла дверь.

– Это ты мне будешь указывать, что я должен делать? – И багровая физиономия вдруг оказывается у неё перед глазами. Он был выше её на голову, но почему-то всегда получалось, что смотрел снизу. – Да я тебе сейчас...

Она улыбнулась тогда. Спокойно, отстраненно, будто ничего не происходит.

– Ну, а теперь ударь. – И он отшатнулся...

... – Ира, ты должна решить это проблему. Сама. Ты поняла?

Девушка кивнула головой, – я решу, обязательно.

...Маша сидела в кафе, пытаясь собраться с мыслями, сдержать эмоции, прорывающиеся из далекого прошлого. Кафе было крошечным, всего на три столика. Там продавали чудесные конфеты, потрясающие пирожные и густой горячий шоколад. Столики прятались в прозрачных зарослях разноцветных петуний, растущих в корзинах, которые свисали с потолка, с тяжелых низких балок, и стояли на деревянных пирамидах в углах. Маша любила иногда побыть одна – посмотреть в окно, мысленно перебрать накопившиеся дела, решить неотложные задачки за чашкой ароматного травяного чая.

Но сейчас заказала крепкий кофе с коньяком, чем несказанно удивила бармена, знавшего её вкусы и привычки не первый год.

...Со свекровью они прожили восемь месяцев, а потом приехали её родители и забрали тяжело заболевшую Тосю, а заодно и свою наивную дочь, которая всё ещё пыталась убедить себя в том, что они непременно всё решат и правильно устроят. В жизни так бывает, сначала

ничего не получается, а потом вдруг раз – и сложилось. Нужно только очень этого хотеть и обязательно что-то для этого делать. Гриша приехал следом.

Родители купили им старенький домик. Домик был ветхий, без каких-либо намеков на удобство или отопление. В качестве кухни использовали крошечный коридорчик.

Гриша умел всё или почти всё. Вот он – кладет кладку, достраивает почти половину дома – там у них будут кухня, ванная, кладовая, туалет. А рядом – построят сарайчик. Без сарая ни один хозяин не обойдется. Веселый каменщик-плотник, всё спорится.

– Для себя строим, Маш, свой дом у нас теперь, – весело кричит жене.

...А вот – она возвращается поздно ночью с дежурства. Тогда были такие дежурства в Добровольной народной дружине, по вечерам ходили группами по три человека – охраняли район от хулиганов. Три женщины... Да они этих хулиганов сами боялись, но за дежурства давали три оплачиваемых дня к отпуску.

Был ноябрь, темно, фонари не горят. Идет по привычке, на ощупь. Поднялась на крыльцо, открыла нижний замок на двери, а в верхнем – торчит ключ. Маша повернула ключ, дернула ручку... Дверь закрыта изнутри на цепочку. На стук никто не открыл. Подошла к окну – наружное стекло разбито. И так – все пять окон... Она влезла в кухонное. На полу валялись кастрюли, разбитая банка и сахар, рассыпавшийся из перевернутой сахарницы.

Тоня была в садике – её приходилось оставлять на пятидневку. Маша прошла в комнату. На диване храпел муж. Она постелила себе в детской...

На следующий день поклялся, что больше – никогда...

Может быть, и впрямь? Может быть, одумался? И никогда...

– А знаешь, давай второго родим, все-таки лучше, когда двое детей. – Ей казалось, что так она решит проблему ответственности, что так Гриша скорее остепенится, поймет. А если ещё будет сын... Он ведь сына хотел.

– Давай. Только знаешь, ты сейчас не рожай. А то помнишь, ты тогда с вечеринки пришла, ну, там вина выпила, а вдруг ребенок больной родится. В общем, ты сейчас сделай аборт... Потом, позже...

И она сделала... Проплакала две ночи, но сделала... Забеременела снова через полгода. Правда, муж все равно пил... И когда сын родился – не перестал...

...За соседним столиком весело засмеялась девушка. Он что-то шептал ей, а она смеялась – звонко, легко, радостно. Вокруг них вилолось облако счастья. Юноша был некрасив, а в ней виделся какой-то совершенно неуловимый шарм, но было заметно, что в этой паре он – ведущий, какой-то стержень проглядывал сквозь оболочку.

Маша улыбнулась. Вспомнила, как мечтала видеть Гришу сильным, как хотела прильнуть к мужнину плечу, подчиниться, оказаться «за каменной стеной»... Как искала любые намеки – вот, сейчас, уже...

Однажды ночью, когда дети уже спали, они лежали, обнявшись. Спальня была далекой и практически несбыточной мечтой, в неё превращалась большая комната, где обычно собиралась семья, а тахта на ночь трансформировалась в кровать. Гриша что-то ей говорил, а потом, вдруг подорвался и умчался куда-то. Вернулся минут через десять. В его руках был огромный букет... Он нарвал цветы у них в саду. И неважно, что это были цветы, которые она сама посадила и трепетно выращивала, он принес эти цветы для неё и подбросил букет вверх, над

лежащей Машей. Прохладные хрупкие тюльпаны, благоухающая сирень и душистая мелисса усыпали постель... И тогда Маша вдруг почувствовала пронзительное, невероятное счастье. Ощутила себя хрупкой и слабой женщиной.

И сейчас, рядом с этой влюбленной парой она снова оказалась там, в воплощении мечты...

Маша включила телефон. Был пропущенный звонок от мужа, но перезванивать не хотелось. За окном неожиданно потемнело, сильный порыв ветра рванул полосатую маркизу, прикрывавшую окна от палящего солнца, послышался приглушенный раскат грома. Мария устроилась поудобнее, бросив взгляд на молодую пару. Им было хорошо и, кажется, ничто вокруг больше их не волновало. Они были вдвоём. Она заказала ещё один кофе... Кофе был крепким, ликер добавлял горьковатый привкус миндаля... И снова уплыла в воспоминания.

...Денег не хватало катастрофически. Много уходило на ремонт и обустройство дома.

Маша недоедала, стараясь накормить мужа и детей. Родители подкармливали внуков, часто зазывали её к себе – не шла, не хотела говорить о проблемах, хотя они и так все понимали. Видели, что зять пьет, что понимания в семье нет. Маша любила музыку, писала стихи, рисовала. Её муж не то чтобы смеялся над ней, но считал, что всё это – трата времени и полная чепуха, пусть лучше консервирует и варит варенье. Чтобы подработать, начала обшивать подруг. Со швейной машинкой дружила с детства, но денег платили мало – подруга ведь. А заказчиков со стороны привлекать стеснялась.

Однажды, она нашла у мужа деньги – пятьсот рублей. Это была сказочная сумма, ей такая и присниться не могла. Сотенные купюры торчали из внутреннего кармана пиджака, который супруг небрежно бросил с вечера на спинку стула.

– Это что? Откуда у тебя столько денег? – Маша держала в руках разноцветные бумажки, на которые можно было безбедно прожить не меньше трёх месяцев. – В комнате было сумрачно, стены, оклеенные голубыми обоями, казалось, холодили все вокруг, и её бил крупная дрожь.

– Это мои командировочные. Я уезжаю на пару недель. Но сотню могу тебе оставить – купи детям, что ты там хотела. – Он вынул деньги у неё из рук, отделил одну купюру, а остальные спрятал в карман.

Она не поверила. Верила всегда и беззаветно, но сейчас вдруг словно проснулась. Утром после отъезда Гриши позвонила ему на работу. Начальник сказал, что её муж убыл в командировку на неделю. После этого позвонила его приятелю, когда-то они вместе отдыхали на море семьями. К телефону подошла Татьяна, жена Сергея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.